

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Вячеслав МЕНЬКОВСКИЙ,
доктор исторических наук, профессор
Белорусского государственного университета,
г. Минск, Республика Беларусь

Более двадцати лет назад прекратил существование Советский Союз. После 1991 г. для национальных историографий новых независимых государств первостепенной стала задача «выстраивания новых национальных историй», смены тех парадигм, которые создавались в советские годы. Поиск национальной самоидентификации сопровождался совершенно естественной критикой предшествующей историографической модели, направленной на доказательство исторической обусловленности совместного существования в рамках

единого государства. Историческая наука выполняла как функцию «политики, обращенной в прошлое», так и функцию науки, формирующей будущее.

Однако было бы чрезвычайно упрощением свести изменения в историографическом комплексе лишь к политической (выполнение новой национальной задачи) и организационной (формирование собственной структурной и кадровой базы) составляющей. Изменения совпали по времени со сменой методологических парадигм в гуманитарной науке. Основное внимание переместилось с проблем политической и социальной

истории в сферу культурной истории, для которой наиболее важным является анализ дискурса, пространства, визуальных источников.

Современные энциклопедические и справочные издания определяют научное сообщество как совокупность занимающихся наукой людей. Научное сообщество представляет собой сложную самоорганизующуюся систему, в которой действуют и государственные институты, и общественные организации, и неформальные группы. Отличительной чертой этого сообщества является повышенная степень признания авторитета, достигнутого научными успехами, сниженный уровень признания авторитета властного и более высокая, чем в других социальных сферах, эффективность неформальных групп и особенно отдельных личностей.

Невозможно отрицать тот факт, что история всегда несла в себе оценочные категории, связанные с ценностными ориентациями культуры и общества, к которому принадлежит исследователь. Любая ценностная характеристика всегда субъективна. Уже выбор темы, не говоря об анализе и выводах, предполагает включение шкалы ценностей исследователя в его работу. А. Тойнби справедливо отмечал, что «в каждую эпоху и в любом обществе изучение и познание истории, как и всякая иная социальная деятельность, подчиняется господствующим тенденциям данного времени».

Ученые также дискутируют о том, насколько при историческом исследовании применим дисциплинарный подход или же требуется междисциплинарное изучение региона (т.е. социально-территориальной общности; совокупности социальных, экономических, политических факторов развития территории), и можно ли в социальных и гуманитарных науках соблюсти в этом плане некий баланс интересов своей дисциплины и изучения региона. «В методологии общественных наук и региональных исследований существуют серьезные различия, — писала М. Олкотт. — Дисциплинарное изучение уделяет большее внимание микроанализу и предпочитает ставить вопрос «почему», а не «как». Региональные исследования фокусируются на макроанализе, обеспечивающем более универсальные выводы».

Внимание к реальной жизни, реальному человеку привело историков к социальной истории, к пониманию необходимости написания работ «не о сильных мира сего, а о самых обыкновенных людях своего времени. Им самим предоставляется право голоса, чтобы рассказать о том, как они видели и мыслили себя в бурном потоке событий». Социальная история рассматривает исторический процесс прежде всего как движение общества вместе со свойственными ему институтами. При этом в центре внимания стоит человек не сам по себе, а как элементарная клеточка живого и развивающегося общественного организма.

Необходимость внимания историка к личным впечатлениям и жизненному опыту «простого человека» подчеркивает и Е. Зубкова. По ее мнению, «после того как социальная история пережила своего рода «бум», уже нет необходимости доказывать, что умонастроения и психологические ориентации людей яв-

ляются самостоятельным фактором политического или экономического развития, поскольку они влияют на особенности социального поведения и в значительной степени определяют механизм принятия решений, в том числе и во властных структурах».

Однако взгляды на социальную историю, понимание того, что она включает в себя, как соотносится с другими направлениями исторической науки, остаются предметом серьезного спора. Так, Е. Осокина, «опираясь на достижения историографии и неизбежно разделяя недостатки ее современного этапа», ставит вопрос о том, кто делает историю? Власть или общество? Вывод заключается в том, что «абсолютизация власти, ее контроля и влияния на общество не менее опасна, чем абсолютизация самостоятельности общества, его независимости от решений власти. Следует признать обе силы активными участниками исторического процесса. Они, преследуя свои интересы, сосуществуют, взаимодействуют и борются в реальной жизни, которая в итоге представляет результат их взаимных действий».

В конце XX века широкое распространение в мировой историографии получила «новая социальная история», сторонники которой настаивали на коренном изменении соотношения между социальной историей и историей интеллектуальной, ментальной. Они считали, что история общества и образующих его больших и малых групп не может изучаться в отрыве от истории систем ценностей, форм социального поведения, символов и ритуалов.

Главной и определяющей чертой развития историографии середины XX века, по мнению Л. Репиной, «было движение за аналитическую междисциплинарную историю, обогащенную теоретическими моделями и исследовательской техникой общественных наук, в противоположность традиционной истории, которая рассматривалась исключительно как область гуманитарного знания... Если попытаться кратко сформулировать важнейшие отличительные черты социальной истории как области исторического знания, то, пожалуй, прежде всего следовало бы отметить ее удивительную подвижность и способность адаптироваться к радикальным изменениям в динамично развивающейся современной историографии... Своей изменчивостью и восприимчивостью, которые определяли внутреннюю логику развития этой дисциплины в течение нескольких десятилетий и позволили проявить все многообразие возможных форм истории «социального», она обязана той предельной открытости другим областям знания — исторического, гуманитарного, социально-научного, — которая заложена в самой природе ее интегрального объекта познания».

Для профессионального сообщества историков «постсоветского пространства» два фактора представляются наиболее важными в контексте внутринаучных преобразований, кардинально изменивших ситуацию в исторической науке.

Во-первых, «архивная революция», начавшаяся после 1991 г. Теперь историки, проводя исследования, могли свободно сочетать возможности, предоставляемые данными «устной истории», изучением советской

Вячеслав МЕНЬКОВСКИЙ, доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного университета, г. Минск, Республика Беларусь. *Научные исследования находятся в русле одного из наиболее актуальных направлений исторической науки — изучения накопления исторических знаний, методологии истолкования исторических явлений, смены и развития направлений в исторической науке. Автор более 150 публикаций.*

и постсоветской политической культуры, с архивными материалами. Во-вторых, смена единственной («единственно правильной») марксистско-ленинской методологии на широкий спектр методологических подходов, применяемых в мировой исторической науке.

Историки оказались в чрезвычайно своеобразной ситуации. Эйфория, связанная с открытием архивов, достаточно быстро стала сочетаться с пониманием того, что историческая наука не в полной мере способна проанализировать этот архивный материал. Среди историков стали усиливаться сомнения в отношении письменного источника как ключевого в понимании исторического события, как инструмента, который «покажет то, что действительно произошло», как это было сформулировано основоположниками теории историзма. Письменный источник скорее показывает позицию его автора, чем реальный ход событий, и многие исследователи стали анализировать дискурс в том понимании, которое было предложено французским философом М. Фуко, и использовать такие источники, как дневники, письма, мемуары, для реконструкции мышления, менталитета определенного исторического периода.

Конечно, историк не в состоянии проверить свое знание опытным путем, поскольку объект его знания всегда находится в прошлом и ученый имеет дело только с его следом — историческим фактом. Исследователь также не может избавиться от своего знания последующих исторических событий и в соответствии с этим неизбежно корректирует отношение к свидетельствам современников того или иного события. Таким образом, исторический факт выступает в трех качествах — как реальность прошлого, как реальность прошлого, отраженная в источниках, и как результат научной интерпретации реальности прошлого, отраженной в источниках.

В новых независимых государствах изменения в историографическом комплексе были связаны со сменой методологических парадигм в гуманитарной науке, политической (выполнение новой национальной задачи) и организационной (формирование собственной структурной и кадровой базы) составляющими. Видение прошлого в конечном итоге определялось исторической ситуацией, в которой работает историк.

Рубеж тысячелетий стал для национальных истори-

ографий временем пересмотра устоявшихся воззрений и возобновления дискуссий практически по всему комплексу проблем отечественной и мировой истории. Во второй половине XX века мировая историческая наука прошла сложный и противоречивый путь. В целом это было поступательное развитие, которое привело к обновлению теоретических основ, методологии и методики историографии.

Происходит процесс углубления анализа, расширения предмета исследования. Однако, как всякий процесс познания, он не только увеличивает число решенных проблем, но и постоянно расширяет область неизвестного. Как писал С. Дмитриев, такая сложнейшая категория, как «социальные изменения», вполне возможно, является для обществоведения таким же вечным объектом познания, как для естествознания «природа». Познавать эту категорию людям, обществу доступно, возможно, но посильно ли достигнуть полного ее познания?

«Историография» определяется в научной и справочной литературе как: история исторической науки в целом, а также совокупность исследований, посвященных определенной эпохе, теме, проблеме; отрасль исторической науки, изучающая ее становление и развитие, накопление исторических знаний и источниковой базы, борьбу и смену методологических направлений; само описание истории, исторического процесса.

Мы рассматриваем историографию как специальную историческую дисциплину, изучающую историю накопления исторических знаний, развитие исторической мысли и методики исследования, историю создания исторических трудов и биографии ученых, влияние явлений общественно-политической жизни на творчество историков и воздействие исторической мысли на общественное сознание, историю научных учреждений, организации исторического образования и распространения исторических знаний.

История во взаимодействии с другими социальными и гуманитарными науками способна дать варианты объяснения прошлого и дает их. Дает в том случае, если методологической основой исторического исследования являются научные принципы историзма, системного и всестороннего подхода к рассматриваемым вопросам.